

ЛИЧНОСТЬ БЕСПРИЗОРНИКА 20–40-х гг. XX ВЕКА (ИСТОРИЧЕСКИЙ АСПЕКТ)

Работа представлена кафедрой истории и права.

Научный руководитель – кандидат исторических наук, профессор Л. Ю. Федосеева

Статья посвящена характеристике личности беспризорника 1920–1940-х гг. (исторический аспект). Личность несовершеннолетнего беспризорного рассматривается в единстве ее биологических и социальных качеств, отмечаются ее положительные и отрицательные черты, сочетание которых помогает выработке мер борьбы с беспризорностью.

The article is devoted to the characteristics of a homeless teenager's personality in 1920–1940s (a historical view). A personality of a homeless teenager is regarded in the unity of its biological and social qualities. Its positive and negative features are outlined. Their combination helps to work out struggling measures against homelessness.

20–40-е гг. XX в. – трудный период в российской истории. Гражданская война и иностранная интервенция, разруха, непродолжительная передышка – и снова война. Масса детей оказалась на улице.

Советское государство много делало для искоренения беспризорности, но не всег-

да предпринимаемые меры были эффективными. Чтобы повысить их результативность, необходимо было не только увеличивать ассигнования на борьбу с беспризорностью, но и изучать личность беспризорника, факторы, влиявшие на его социальную характеристику.

На основе архивных источников и исторических исследований можно дать социальную характеристику беспризорника 20–40-х гг. XX в.

Беспризорный несовершеннолетний 1920–1930-х гг. – это чумазый, в лохмотьях, босоногий, с воровато-жалостливыми глазами, неустанно повторяющий что-то вроде: «Дядя, дай 10 копеек» или «Гражданин – товарищ – барин». Самый распространенный для беспризорности возраст – это 10–14 лет, затем она шла на убыль. Впрочем, определить возраст гавроша довольно трудно. Мальчики «с 6–7-летнего возраста курят по 25–30 папирос в день, пьют эпизодически по 1–2 бутылки самогонки, кокаин нюхают все поголовно большими дозами»¹.

Неудивительно, что внешний вид беспризорников был далек от детского: «Они поражают своей худобой, истощенностью, бледностью, землистым цветом и каким-то старческим выражением лица»². Нередко ребенку 10–11 лет можно дать все 16.

Местами обитания беспризорников (именуемыми «дачами») были ямы, развалины, подвалы, подземелья, старые вагоны, мусорные ящики и другие удобные, по мнению беспризорников, места. Они предпочитали объединяться, причем в группу входили дети разных возрастов. А. Обросов писал: «Я хорошо помню этих совершенно немислимых оборванцев, всех в грязи и во вшах, кочующих возле асфальтных котлов, греющихся у костров... заселяющих чердаки и подвалы...»³. Как нельзя лучше иллюстрирует образ беспризорника и место его обитания рассказ Е. Чирикова: «...прижавшись к холодной стене каменного дома, лежал оборвыш-мальчик, лет восьми-девяти. Мальчик был едва прикрыт лохмотьями. Изодранная и до невозможности грязная рубашонка обнажила своими дырами тело... Дико, испуганно блуждали горящие глаза ребенка. Он смотрел, как подстреленный и пойманный волчонок...»⁴. Днем мальчик попрошайничал со взрослыми, а вечером уходил спать в приют для отвер-

женных: «...Беспорядочно расположенные в два этажа нары уподобляли это помещение какому-то переезжающему зверинцу... Здесь на голых досках нар и даже под нарами валялись пьяные, больные и голодные люди, вместе – мужчины, женщины и дети... Спертый воздух, нестерпимый смрад, пьяный гам, хохот, детский плач, ругань, драки и песни сливались здесь в какой-то хаотический гул»⁵.

Некоторые беспризорники грелись в паровых топках, жили под батареями парового отопления на вокзалах⁶. Основное время беспризорники проводили вблизи церкви, соборов. Досуг был занят игрой в азартные игры, попрошайничеством, воровством, употреблением спиртного, кокаина, курением. Беспризорники постоянно перемещались по стране в поисках лучшей доли.

Беспризорники того времени – это дети бывших кулаков, переселенцев, пытающиеся найти счастье и пропитание за пределами своего дома, и дети-сироты, чьи родители погибли в войну или умерли от голода. Социальный состав беспризорных, находящихся в детских учреждениях, был таков (в процентах): дети крестьян (54,5), рабочих (23,3), служащих (9), красноармейцев (3,2), ремесленников и кустарей (5,79), остальных профессий (3,21)⁷. Распределение беспризорных, прошедших через специальные комиссии по делам несовершеннолетних, по социальным группам было следующим (в процентах): дети крестьян (29,3), рабочих (32,8), торговцев (2,1), служащих (13,1), кустарей (5,0), неизвестных (17,7)⁸. Эти данные показывают, что преобладающее число беспризорных – это дети крестьян и рабочих. По семейному положению беспризорные распределялись следующим образом: сирот – 67%, полусирот – 29,5%, (из них имеют отца – 23%, мать – 6,5%), имеющих обоих родителей – 3,5%⁹. По возрастному составу: детей дошкольного возраста (4–8 лет) – 10,8%, школьного возраста (8–14 лет) – 62%, детей от 14 до 16 лет – 22,4% и свыше 16 лет – 4,8%¹⁰.

Существует классификация беспризорников по образу жизни и внутреннему статусу, разработанная А. Рожковым¹¹. Он выделяет три категории беспризорников. Первая – нищие или «кусочки», которые представляли самую многочисленную группу и занимались выпрашиванием денег или съестного, доедали остатки пищи за другими; вторая – «певцы», которые зарабатывали средства для существования своими выступлениями (например, пением под аккомпанемент деревянных ложек).

Третья категория – представители воровских шаек. В нее переходили беспризорники из указанных выше категорий по достижении ими возраста 14–16 лет. Шайка состояла из 2–10 детей, существовало четкое распределение обязанностей. Каждый беспризорник-вор владел той или иной «профессией». Те, кто специализировался на кражах квартир или магазинов со взломом, назывались «скокорями». Они зарабатывали от 2 до 10 рублей в день и тут же тратили их на женщин, вино, азартные игры, дорогие вещи. Воры попроще именовались «ширмачами» (карманники, доход которых составлял 1–3 рубля в день) и «чемоданщиками» (специалисты по чемоданам, чья прибыль зависела от содержимого чемодана). Большая масса беспризорников относилась к «сывкам» (мелким воришкам, предпочитавшим скорее выпросить, чем украсть). Крали в основном с лотков, огородов, реже из карманов. Самой элитной категорией считались «жулики» или «стопари», занимающиеся вооруженными грабежами и налетами. Они вовлекали в свои дела беспризорников младшего возраста, которые выполняли их различные поручения (залезть в форточку, пробраться в квартиру по водосточной трубе и т. д.).

В плане работы Отделения социально-правовой охраны несовершеннолетних и воспитания дефективных на январь–март 1924 г. предлагалось производить группировку детей по доминирующим психо-физическим признакам их дефективности: на эмоциональных (страстных); уличных (сла-

бовольных и безвольных); фантастов (деятельных мечтателей); дефективных, морально страдающих нравственной нечувствительностью; дефективных умственно (дебилы, имбецилы, идиоты); нервно больных (неврастеников, истериков); психически больных¹².

В 1930-е гг. портрет беспризорника практически не изменился. По социальным группам преобладали дети рабочих и крестьян, по семейному положению – сироты, по национальному признаку – русские. В детских домах находилось много переростков, но принимались все необходимые меры к устройству их на работу¹³. Исчезло понятие дефективный ребенок.

Беспризорник 40-х гг. XX в. предстает перед нами внешне похожим на своих предшественников. Он такой же оборванный, голодный, бесполой, выглядит младше своего возраста. Контингент беспризорников состоит из детей, чьи родители погибли на фронте, были репрессированы. Беспризорные дети этого периода чаще всего – «социальные сироты» в сегодняшнем понимании. Из-за тягот военного времени, разрухи, голода многие родители оказались неспособными воспитывать, содержать своих детей. Несовершеннолетние сами уходили из семьи. По статистике 43% ушли из семьи из-за недостатка внимания, 17,2% сбежали из-за материальной необеспеченности, 14,5% имели тягу к путешествиям¹⁴. Увеличилось число детей, сбежавших из различных государственных воспитательных учреждений, куда они были помещены или сданы родителями, так как условия жизни там были невыносимыми: дети голодали, жили в антисанитарных условиях, над ними издевались. Яркой иллюстрацией является обследование детдома в г. Пензе по ул. Суворовской: «Занимаемое детдомом помещение грязное, тесное, не отапливается, окна не застеклены, двери не затворяются, крыльцо, коридор превращены в уборную... ребята не умываются, редко моются в бане (1 раз в 1–2 месяца), не производится им стрижка волос и ногтей, сре-

ди них распространена вшивость, брюшной тиф, не имеется изолятора для больных. Смена белья производится 1 раз в 2–3 месяца. Ребятам дается в пищу грязная мороженая картошка. От жажды едят лед с окон. Хлеб недодается в день по 200 граммов. Практикуются жесткие меры наказания: в холодной комнате заперт беспризорник, которого душили. На некоторых ребятах нет обуви и одежды, несмотря на то, что обувь и одежда имеются в запасе»¹⁵. Такое же положение существовало и в других детских домах Пензенского региона¹⁶. Поэтому неудивительно, что большинство бежали из детских домов. Например, из годового отчета за 1944 г. по Пензенской области видно, что более 80% детей сбежали из детских домов (из 249 детей 233 совершили побег)¹⁷.

Беспризорниками тогда становились в основном городские жители. Это можно объяснить более сложными условиями выживания в городе (преимущественно из-за голода). Дети постоянно мигрировали, но это носило сезонный характер. Часто число приезжих беспризорников превышало количество местных. Жили несовершеннолетние также группами на чердаках, вокзалах, рынках, в подвалах. Средства добывали попрошайничеством, игрой в карты, воровством (в основном продуктов питания).

Половой и возрастной состав беспризорных, находившихся в детских домах Пензенской области в 1944 г., был следующим: в 30 детских домах находилось 3018 детей, из них 1525 мальчиков, 1493 девочки; 755 детей были моложе 7 лет, 1015 – от 8 до 11 лет, 1008 – от 12 до 14, 240 – от 15 и старше¹⁸. На 1 апреля 1947 г. по Пензенской области имеются следующие сведения о составе воспитанников детских домов: всего детей 3060, из них 1564 мальчика, 1496 девочек; 2112 сирот, 920 полусирот, 28 детей, имеющих родителей; из 3060 воспитанников дети погибших воинов составляют 1350 человек¹⁹. Таким образом, подавляющее большинство беспризорных – это лица

8–14 лет. По национальному признаку среди беспризорников преобладают русские, украинцы, евреи. Разделение по полу на мальчиков и девочек почти равномерное. По семейному положению опять-таки преобладают сироты.

На основании изложенного можно представить собирательный образ беспризорника. Беспризорник – это оборванный, грязный, вечно голодный ребенок, без определенного пола, возраста, постоянно просящий милостыню. Внешне он никогда не выглядит на свой возраст. Физически они практически все отставали в развитии от своих сверстников, потому что постоянно курили, нюхали кокаин, пили самогон. Каждый из них был заражен какими-либо заболеваниями: тифом, цингой, кишечными инфекциями. Общей бедой для всех была дистрофия. Плохое физическое самочувствие усугублялось отсутствием нормальных условий для жизни. Беспризорный рано вышвырнут из условий родительской и прочей взрослой опеки на улицу, в обстановку жизненной борьбы. Такие дети довольно быстро делаются агрессивными, грубыми.

Таким образом, перед нами пока как бы не очень приглядная картина личности беспризорного: эмоциональность, возбудимость его искажена, взамен организованности – грубая недисциплинированность; здоровая целеустремленность замещена авантюризмом, случайными влечениями. Но нельзя не согласиться с мнением Е. С. Лившица, что уличная жизнь дала беспризорному и положительные качества²⁰. В уличной борьбе беспризорный приобретает прочную закалку и гибкость. Он чрезвычайно смел и активен, очень требователен к себе и другим, это формирует у него точность в отношении к миру, прочно организует его фантазию. Среда искривила, дезорганизовала беспризорного, но та же среда закалила его. Главное, правильно использовать своеобразное сочетание этих черт, для того чтобы выработать меры борьбы с беспризорностью.

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ *Лившиц Е.* Социальные корни беспризорности. М., 1925. С. 133.

² Там же. С. 137.

³ *Обросов А.* В ложе Совнаркома: рассказ о времени, которое называли золотыми годами НЭПа // Родина. 1991. № 9–10. С. 115.

⁴ *Чириков Е.* Бродячий мальчик // Беспризорные (сборник рассказов). М., 1926. № 30. С. 33.

⁵ Там же. С. 39–40.

⁶ *Лившиц Е.* Указ. соч. С. 136.

⁷ *Богуславский М.* Борьба с детской беспризорностью в РСФСР // Красная Новь. 1927. № 8. С. 140.

⁸ Там же. С. 141.

⁹ Там же.

¹⁰ *Лившиц Е.* Основные принципы работы с беспризорными подростками // Детская беспризорность и детский дом. М., 1926. С. 187.

¹¹ *Рожков А.* Беспризорники // Родина. 1997. № 9. С. 70.

¹² ГАПО. Ф. Р. – 2. Оп. 1. Д. 2078. Л. 81.

¹³ ГАРФ. Ф. Р. – 5207. Оп. 1. Д. 609. Л. 2.

¹⁴ *Зезина М. Р.* Система социальной защиты детей-сирот в СССР // Педагогика. 2000. № 3. С. 58–67.

¹⁵ ГАПО. Ф. Р. – 315. Оп. 1. Д. 37. Л. 3.

¹⁶ Там же. Л. 4–6.

¹⁷ ГАПО. Ф. Р. – 1381. Оп. 1. Д. 764. Л. 2.

¹⁸ Там же.

¹⁹ ГАПО. Ф. Р. – 1381. Оп. 1. Д. 845. Л. 64.

²⁰ *Лившиц Е.* Указ. соч. С. 82.